

К.М. СТАНЮКОВИЧ



ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

К.М.Станюкович. Избранные произведения. В 2-х т. Том 1 //Издательство
«Художественной литературы», Москва, 1988
FB2: "Ustas ", 2006-08-02, version 1.0
UUID: A17D9D73-2003-4C3F-9D35-906BDF9B2D04
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Михайлович Станюкович

На камнях

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0013
III.....	.0026
IV.....	.0038

**Константин Михайлович
Станюкович
На камнях**

Вечерняя вахта на «Красавце», куда меня недавно перевели с «Голубчика», была не из приятных.

Дождь хлестал немилосердно и, несмотря на новый дождевик и нахлобученную зюйдвестку, ехидно пробирался за воротник, заставляя по временам вздрагивать от холода водяной струйки, стекавшей по спине. Дул довольно свежий противный ветер, и клипер «Красавец», спешивший вследствие предписания адмирала, несся под парами полным ходом среди непроглядной тьмы этого бурного вечера в Китайском море.

Признаюсь, мне было очень жутко в начале вахты. Воображение юнца-моряка, настроенное окружающим мраком, рисовало всевозможные неожиданности, с которыми, казалось, мне не справиться. В глазах мелькали — то справа, то слева — воображаемые красные и зеленые огни встречных судов или внезапно вырастал под носом клипера грозный силуэт громадного «купца», не носящего, по безопасности, как часто случается, огней, и я на-

пряженнее вглядывался вперед, в темную бездну, вглядывался и, не видя ничего, кроме чуть белеющих гребешков волнующегося моря, часто покрикивал часовым на баке вздрагивающим от волнения голосом «Хорошенько вперед смотреть!» — хотя и понимал, что часовые, так же как и я, ничего не увидят в этой крошечной тьме, окутавшей со всех сторон наш несшийся вперед маленький клипер.

Скоро, впрочем, я свыкся с положением. Нервы успокоились, галлюцинации зрения прошли, и к концу вахты я уже не думал ни о каких опасностях, а ждал смены с нетерпением влюбленного, ожидающего свидания, мечтая только о свежем белье, сухом платье и стакане горячего чая в теплой кают-компании.

Время на таких вахтах тянется чертовски долго, особенно последняя склянка. От нетерпения поскорей обсушиться и отогреться после четырехчасовой «мокрой» вахты, кажется, будто этой последней, желанной склянке и конца не будет.

— Сигнальщик! Узнай, сколько до восьми?

Притаившийся от дождя под мостиком сигнальщик, хорошо знающий нетерпение «господ» перед концом вахты, торопливо спускается вниз и через минуту возвращается и докладывает, что осталось «всего восемь минут».

«Целых восемь минут!»

— Ты на каких это часах смотрел? — грозно спрашиваешь у сигнальщика.

— В кают-компании, ваше благородие! Уж Николай Николаич обряжаются к вахте, — прибавляет в виде утешения сигнальщик и исчезает под мостик.

И снова шагаешь по мостику, снова взглядываешь на компас и снова приказываешь, чтобы вперед смотрели.

Дождь начинает хлестать с меньшею силой, и ветер как будто стихает.

«Счастливец этот Литвинов!» — не без зависти думаешь о «счастливце», который смеет тебя и не промокнет до нитки.

Вот наконец бьет восемь склянок, и с последним ударом колокола окутанная в дождевик плотная фигура лейтенанта Литвинова появляется на мостике.

— Скверную же вы сдаете мне вахту... Что бы приготовить получше? — говорит Литвинов, заливаясь, по обыкновению, веселым смехом.

— Скверную? Вы посмотрели бы, что на моей было! — отвечаешь недовольным, обиженным тоном. — Дождь-то проходит.

— Зато темно, как...

Литвинов заканчивает свое сравнение и говорит:

— Ну, сдавайте вахту... Небось чаю хочется? Спешите, а то пан Казимир унесет свой коньяк... И то я его наказал на целую рюмку. Накажите и вы, чтоб он не мог заснуть от отчаяния.

Я стал сдавать вахту: сказал курс, передал распоряжение не уменьшать хода без приказа капитана и прибавил, что в исходе девятого мы должны быть на траверзе группы маленьких подводных островков. Они должны оставаться слева.

— Да разве мы их еще не прошли?

— То-то нет... Хотите удостовериться — взгляните на карту. Она, кстати, наверху, в рубке.

Мы спустились в маленькую рубку под мостиком и заглянули туда.

Там сидел сухощавый низенький пожилой человек лет пятидесяти, с маленьким морщинистым суровым лицом, озабоченно поглядывая на лежащую перед ним карту. На нем был дождевик и зюйдвестка, из-под которой виднелись седоватые волосы.

Это был старший штурман «Красавца», штабс-капитан Никанор Игнатьевич Осинников, или, как тихонько звали его гардемаринны, «Синус Синыч», молчаливый, угрюмый, основательный служака из штурманских «косточек», много переплававший на своем веку, страшно самолюбивый и мнительный в отношении своего достоинства, щекотливый к малейшей шутке и в то же время редкий добряк, несмотря на свой суровый вид, с теми, кто пользовался его расположением, то есть не подозревался в насмешливом или презрительном отношении к штурманам и кто умел хорошо брать высоты и вычислять безошибочно широту и долготу места.

Литвинов, этот общий любимец и enfant gate [1] кают-компании, всегда добродушный,

веселый и жизнерадостный, остроумный рассказчик неистощимых анекдотов, умевший вызывать улыбку даже на хмуром лице Никанора Игнатьевича, заглянул в карту, на которой был проложен курс, и неосторожно кинул вопрос:

— А не снесет нас течением, Никанор Игнатьич?

Несколько суеверный, не любивший, чтобы заранее говорили о какой-нибудь опасности, грозившей клиперу по штурманской части, Никанор Игнатьевич строго взглянул на молодое, румяное, веселое лицо лейтенанта.

— А вы думаете, течение не принято в расчет? Принято-с! Потому-то и курс проложен-с в десяти милях от этих маленьких подлецов! — с сердцем промолвил старый штурман, указывая своим высохшим костлявым пальцем на «маленьких подлецов», обозначенных на карте. — Оно, конечно, лучше бы и еще подальше от них! Наблюдений сегодня не было... Течения тут никто не определял... Черт его знает! — как бы в сердитом раздумье прибавил Никанор Игнатьевич.

— Так отчего же мы не наплюем на этих

подлецов и не оставим их совсем далеко, Никанор Игнатъич? — спросил, весело улыбаясь, Литвинов.

— То-то вам все наплевать! А приказание адмирала — спешить как можно скорей?.. На него не наплюешь! Капитан и решил идти ближе к берегам. Волнение здесь не такое сильное, как в открытом море при этом подлом норд-весте, и следовательно, клипер имеет большой профит [2] в ходе-с. Там мы ползли бы узлов по шести, а теперь по десяти дум-с! Не давай таких предписаний! — неожиданно прибавил возбужденно и сердито Никанор Игнатъевич. — Какая такая спешка!

Столь подробное объяснение, которым удостоил обыкновенно скупой на слова старый штурман, едва ли можно было приписать исключительно расположению Никанора Игнатъевича к Литвинову. Возбужденный, сердитый тон штурмана обнаруживал скорей его волнение, которое он всегда испытывал, тщательно, впрочем, скрывая его, когда вблизи клипера были какие-нибудь «большие» или «маленькие подлецы».

Литвинов больше не спрашивал. Под-

нимаясь на мостик, он снова повторил мне на прощанье совет «неприменно наказать пана Казимира» и вслед за тем крикнул веселым, звучным голосом, во всю силу своих могучих легких:

— Вперед смотреть!

И, точно наэлектризованные этим веселым голосом, часовые на баке так же весело и громко ответили:

— Есть! Смотрим!

Вышел из рубки и Никанор Игнатьевич.

Полоса света, падавшего от машинного люка, осветила низенькую, маленькую фигурку старшего штурмана, пробиравшегося, понуриив голову, на бак с большим биноклем в руке.

«Теперь Синус Синыч, верно, сам будет вперед смотреть. Смотрите, смотрите, господа!» — подумал я, спускаясь вниз, веселый и довольный, что кончилась эта скверная вахта.

Через пять минут переодевшись в сухое платье, я уже сидел в теплой, светлой кают-компании за стаканом чая, испытывая то ощущение довольства, удовлетворенности и некоторой приятной истомы, которое хорошо знакомо морякам. Теперь уж меня не особенно занимало, что делается там, наверху, — хлещет ли дождь или нет. Здесь, внизу, было уютно, сухо и тепло.

Однако совета Литвинова так-таки и не удалось исполнить, хотя я и не прочь был влить несколько ложечек коньяка в чай. В тот самый момент, как вестовой подал мне стакан и я только что хотел подговориться к превосходному докторскому коньяку, предусмотрительный доктор (он же пан Казимир), по обыкновению ораторствовавший о возвышенных предметах со своим несколько театральным пафосом и весь поглощенный, казалось, точным определением истинного мужества, успел все-таки заметить мой «прицельный» взгляд на бутылку. И, словно бы желая собственным примером показать образец ис-

тинного мужества, он поднялся с дивана, не окончив перечисления всех знаменитых «светочей поэзии и философии», трактовавших об этом вопросе, и унес, к крайнему моему огорчению, бутылку *fine champagne* [3] в свою каюту.

Многие, заметившие этот маневр, наградили меня сочувственными улыбками, а сосед мой, молодой черноволосый мичман Гарденин, штудировавший Шлоссера, шепнул, отрываясь от книги:

— Опоздали! А ведь бутылка, против обыкновения, была на столе все время, пока доктор разводил разводы. Сегодня он в особенном ударе! Старшего офицера уж в лоск уложил и заставил удрать в каюту. Теперь донимает Ванечку... Смотрите, как Ванечка обалдел! Скоро, пожалуй, придется спешить на выручку... — прибавил, усмехаясь, мичман, умевший с большим искусством травить доктора.

Пан Казимир между тем вернулся и продолжал как ни в чем не бывало прерванную беседу об истинном мужестве, обращаясь главным образом к сидевшему близ него младшему механику, невозмутимому молодому

му хохлу в засаленной, когда-то белой куртке, как к единственной жертве, способной выслушивать без знаков нетерпения длинные речи и рассказы доктора, герой которых, Казимир Викентьевич Горжельский, разумеется, являлся всегда при бенгальском освещении.

— Великий поэт Виктор Гюго в одном из своих творений говорит, что мужество есть неперменное качество возвышенных натур.

Доктор, говоривший с заметным польским акцентом, стал было цитировать стихи Виктора Гюго, отвратительно произнося французские слова, но, продекламировав несколько стихов, остановился.

— Впрочем, вы ведь не знаете по-французску? — спросил он.

«Обалдевший» механик с невозмутимым видом отрицательно качнул головой.

— Так я вам переведу.

Он перевел и продолжал:

— Другой гениальный поэт, Байрон... Вы знаете по-английску!

Ванечка снова ответил отрицательным кивком.

Тогда доктор привел по-русски соответ-

ствующий пример из Байрона и прибавил, что любит читать классиков в подлинниках. Это не то что переводы! Очень жаль, что молодой человек не знает языков! Он дал бы молодому человеку много интересных книг на французском, немецком, английском и итальянском языках. Он на всех этих диалектах свободно говорит и читает... Он много перечитал книг... «Не менее десяти тысяч томов!» — прибавил доктор и снова воскликнул:

— Ах, как жаль, что вы не знаете языков!

И этот самоуверенный, полный необыкновенного апломба тон, каким говорил доктор, и выражение самовосхищения, стоявшее в чертах его продолговатого желтого, окаймленного черными баками лица с низким узким лбом, под которым сидели небольшие холодные темные глаза, и быстрые взгляды исподлобья, бросаемые во время разговора на окружающих, — словом, все в этом сорокалетнем Нарциссе, влюбленном в себя, говорило, что он не столько жалеет о незнании Ванечкой иностранных языков, сколько хочет порисоваться и убедить публику в своих пре-

имуществвах.

Несмотря на знание доктором четырех языков (крайне, впрочем, сомнительное) и на необыкновенные случаи из практики, о которых любил рассказывать доктор, пана Казимира в кают-компании недолюбливали, «случаям» его верили с осторожностью и считали доктора самолюбивым, надутым фразером и хвастуном. Даже юные гардемарины, с которыми доктор вначале пробовал либеральничать, очень скоро поняли подозрительность его цивизма [4], напыщенность фразы и ограниченность ума. Вдобавок и его льстивая манера обращения с капитаном и старшим офицером, любезное высокомерие с другими и чисто шляхетское, полное нескрываемого презрения отношение к матросам еще более нас отталкивали, и доктор напрасно расточал перлы красноречия, рассказывая в интимной беседе *a part* [5] о высших «непонятых натурах», обреченных судьбою жить среди людей низменного уровня. Непонятую природу обегали и относились к ней далеко не дружелюбно.

К этому надо прибавить, что доктор был из

тех поляков, которые упорно отрещиваются от своей национальности в среде русских и прикидываются ярыми патриотами среди поляков.

Пожалев, что наш милейший хохол Ванечка обречен на тьму невежества, доктор хотел было рассказывать один из «интересных случаев в его жизни, когда знание иностранных языков принесло ему громадную пользу», как мой сосед Гарденин, воспользовавшись временем, пока доктор не спеша свертывал папиросу, шепнул мне:

— Совсем он замучает Ванечку. Я ведь слышал этот «случай»... Очень длинный случай... Вы знаете историю про знатную итальянку?

— Нет.

— Так вот она в кратком изложении. Знатная итальянка в Петербурге... Ну, конечно, красавица и, конечно, у нее сложная болезнь, редкая в медицине... Пять знаменитых врачей, с Боткиным во главе, не понимая ни слова по-итальянски, не понимают, разумеется, и ее болезни, лечат от пневмонии, тогда как у нее сердце, печень и что-то в кишках, — словом, совсем не то, а что-то другое... перикар-

дит и еще какое-то мудреное название. Знатная итальянка чахнет, еще два-три дня — и не видать бы ей божьего света, как вдруг пан Казимир приезжает из Кронштадта и совершенно случайно, хотя и без тени правдоподобия, попадает к знатной итальянке. Вы догадываетесь, конечно, о финале? Она прогоняет всех врачей, через пять дней встает с постели, а еще через пять едет на бал к бразильскому посланнику. Само собой, дело не обходится без романтической complication [6]. Исполненная благодарности к своему спасителю (вдобавок тогда пан Казимир был чертовски хорош и, по его словам, отчаянный сердцеед), знатная итальянка намекает, что так и так, она не прочь выйти замуж за пана Горжельского (предки доктора ведь от Пяста!), но он, натурально, как благородный шляхтич, не хочет воспользоваться увлечением ее знойного темперамента и сделаться владельцем замка в Неаполе и рисовых полей в Ломбардии... И вот тогда-то она снимает с своего пальца и надевает на мизинец пана Казимира тот самый необыкновенный брильянт, стоящий сорок две тысячи франков (ни одного сантима

менее!), которым доктор вместе с другими кольцами украшает свои противные пальцы по праздникам и при съездах на берег... Нет, положительно надо выручать Ванечку! Уж доктор разглаживает баки — значит, сейчас начнет.

И с этими словами, произнесенными вполголоса, черноволосый, худенький, с подвижною физиономией и вздернутою губой Гарденин поднялся с места и, присаживаясь на противоположном крае стола, рядом с Ванечкой, обращается к доктору:

— Позвольте побеспокоить вас, доктор, одним вопросом?

Серьезный тон и самое невинное выражение лица молодого мичмана обманывают на этот раз доктора, и он, не подозревая никакой каверзы, позволяет благосклонным наклонением головы.

— Объясните, пожалуйста, что это за болезнь перикардит? — продолжал Гарденин, по-видимому весьма заинтересованный сведениями о перикардите, и в то же время незаметно подталкивает локтем Ванечку: уходи, мол!

Хотя доктор предварительно и замечает, что профану в медицине довольно трудно будет понять сущность этой болезни, тем не менее входит в подробные объяснения, уснащая их различными медицинскими терминами, а тем временем младший механик благополучно удирает из кают-компании.

Удовлетворив любознательности Гарденина и совершенно успокоившись насчет его намерений, доктор, заметивший исчезновение Ванечки, не может удержаться от искушения рассказать про «случай» и прибавляет:

— Я только что хотел рассказать об одном весьма интересном случае излечения именно той болезни, которая вас интересует... Все лучшие доктора...

— Это когда вы лечили одну знатную итальянку, доктор? — перебил мичман.

Доктор, не любивший, чтобы его прерывали, с важностью промолвил:

— Я на своем веку многих аристократов пользовал...

— Но, сколько мне помнится, именно у итальянки был жестокий перикардит с какими-то осложнениями, и если бы не ваше ис-

кусство, плохо пришлось бы больной? — продолжал Гарденин с самым серьезным видом, преисполненный, казалось, необыкновенным почтением к искусству доктора.

— Да, был такой случай... Я пользовал маркизу Кастеламарре! — говорил доктор, произнося слова «маркизу Кастеламарре» с каким-то сладостным замиранием в голосе. — Об этом случае в свое время много говорили в медицинском мире...

— Как же, как же... Я ведь слышал, как вы рассказывали эту любопытную историю...

— Это, извольте знать, не история, а факт! — внушительно проговорил пан Казимир, начиная хмуриться.

— О, разумеется факт, тем более что и брильянтовое кольцо в сорок две тысячи франков — тоже факт, и весьма ценный факт!

— Вероятно, вам не случилось видеть хороших брильянтов, и вы, кажется, изволите сомневаться в ценности моего супира? — с презрительной усмешкой заметил закипавший злостью доктор, нервно пощипывая длинными желтыми пальцами свою выхоленную, великолепную черную бакенбарду.

— Христос с вами, доктор, смею ли я сомневаться? — воскликнул, по-видимому с полной искренностью, шаловливый мичман. — Такие ли еще бывают факты!.. «Есть много, друг Горацио, тайн» и так далее... Я, положим, не видал хороших брильянтов — не стану врать, — но видал, например, крупнейших окуней у нас, в Смоленской губернии, и знаю тоже в своем роде интересный факт об их живучести, о котором я, с вашего позволения, расскажу. Стали жарить однажды громадного жирного окуня, фунтов эдак десяти, и что ж бы вы думали? Уж один бок его стал румяниться, а окунице, подлец, все еще жив... Так и пляшет, я вам доложу, на сковороде. Сняли этого самого мерзавца со сковороды, зашили ему брюхо, пустили в речку, и — поверите ли, доктор? — ведь поплыл, как встрепанный, окунь-то этот... Факт невероятный, а ведь я сам видел! — прибавил с невозмутимой серьезностью мичман.

Общий смех огласил кают-компанию.

Не смеялся только один доктор.

Позеленевший от злости, с презрительно сощуренными глазами, он в первую минуту

пребывал в гордом молчании и только, когда смех прекратился, заметил с пренебрежением оскорбленного величия:

— Признаюсь, я не понимаю этого мичманского остроумия... Какой-то окунь... какой-то вздор...

Вдруг раздался страшный треск. Клипер вздрогнул всем своим корпусом, как-то странно покачнулся и, казалось, сразу остановился.

Все на мгновение замерли, недоумевающие и испуганные, взглядывая друг на друга широко раскрытыми глазами.

Старший офицер, вылетевший из каюты, пронесся как бешеный наверх. Вслед за ним ринулись и другие. Доктор, бледный как полотно, не трогаясь с места, беззвучно что-то шептал и крестился.

В первое мгновение я не сообразил, что такое случилось, и не испугался. Но вслед за тем мне почему-то представилось, будто на нас наскочило судно и врезалось в бок. И тогда мною овладел страх, который я тщетно усиливался побороть, стараясь казаться спокойным. Сердце упало, холод пробежал по всему телу, и я бросился стремглав вслед за дру-

гими наверх, охваченный паникой и стыдась
в то же время своего малодушия, недостойно-
го моряка.

Непроглядная темень по-прежнему окутывала клипер, недвижно стоявший среди моря. На палубе царила грозная тишина. Только рокотало море да ветер жалобно по-свистывал в снастях. И среди этой тишины клипер, приподнимаемый волнением, снова еще раз и другой тяжело ударился о подводный камень. Удары эти сопровождались таким наводящим ужас треском во всех членах судна, что казалось, оно не вынесет этой пытки и вот-вот сейчас развалится пополам.

— О господи! — раздалось чье-то скорбное восклицание среди людских теней, собравшихся кучками на палубе.

И чей-то голос стал тихо читать молитву.

— Беспременно тепериче разобьет нас на камнях!

— Вишь, угодили-то как!

— Смирно! — раздался вдруг с мостика голос капитана.

Разговоры мгновенно смолкли.

— Триселя и кливер поставить! Лотовые на лот! Полный ход вперед! — командовал ка-

питан.

В этом негромком, несколько гнусавом, отчетливом голосе не слышно было ни одной нотки страха или волнения. Он был спокоен, прост и ровен, точно капитан распоряжался на ученье. И это спокойствие словно бы сразу низводило опасность положения до самой обыкновенной случайности в море и, невольно передаваясь другим, вселяло бодрость и уверенность в сердца испуганных людей.

— Ишь ведь, отчаянный он у нас какой! — проговорил кто-то среди толпившихся матросов повеселевшим голосом.

— Не бойсь, он распорядится!

И у меня отлегло от сердца. Я еще более устыдился своего малодушия и торопливо поднялся на мостик, где должен был находиться, по расписанию, во время аврала.

Машина работала полным ходом, но клипер не двигался с места.

— Как глубина?

В ответ раздался отрывистый голос старшего штурмана, под наблюдением которого лотовые обмеряли глубину вокруг клипера.

Недаром голос Никанора Игнатьевича, пе-

регнувшегося через борт с фонарем в руках, звучал сердито. Обмер показывал, что клипер сидел всем своим корпусом на камне и только корма была на вольной воде.

— Фальшвейры! — приказал капитан.

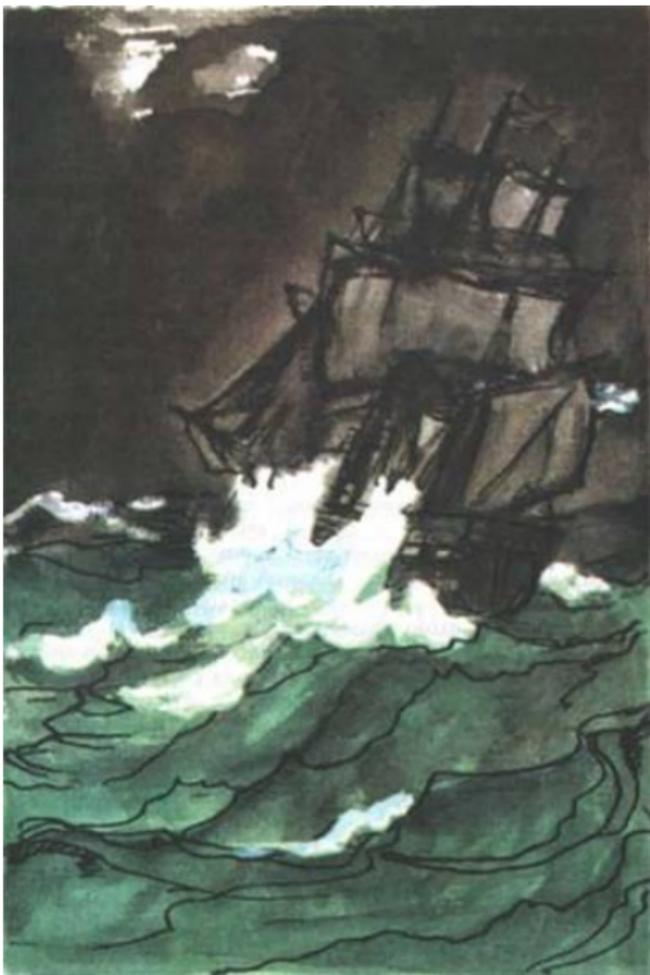
Ярко-красный огонь фальшвейров, выкинутых с обеих сторон, погрузив в тьму клипер, рассеял таинственность окружающего мрака. Слева, в недалеком расстоянии, белелись грозные буруны, доносясь слабым откликом характерного гула. Справа море было чисто и с однообразным ровным шумом катило свои волны, рассыпавшиеся пенистыми седыми верхушками. Ясно было, что мы, по счастью, налетели на крайний камень из этой группы маленьких «подлецов», брошенных среди моря.

— Стоп машина! Полный ход назад! — распорядился капитан, передавая приказания в машину через переговорную трубку.

Прошла еще бесконечная тягостная минута.

— Идет ли? — спросил капитан своим прежним спокойным гнусавым голосом.

— Нет!



И, словно в подтверждение, что не идет, клипер снова беспомощно ударился о камень. Удар этот, тяжелый, медленный, казалось, был ужаснее прежних.

Капитан взялся за ручку машинного теле-

графа.

«Дзинь-дзинь!»

Машина застопорила.

«Дзинь-дзинь!»

Машина снова застучала полным ходом.

Бедняга клипер, точно прикованный, не подавался.

Я взглянул на худощавую невысокую фигуру капитана, стоявшего в полосе слабого света от огня компаса, рассчитывая по выражению его лица узнать о степени грозившей нам опасности.

Ни черточки страха или волнения! Напротив, во всей его фигуре, неподвижно стоявшей у машинного телеграфа, было какое-то дерзкое, вызывающее спокойствие, и всегдашнее чуть заметное надменное выражение, обыкновенно скрадывавшееся любезной улыбкой, теперь, ничем не сдерживаемое, светилось во всех чертах красивого молодого лица, опущенного светло-русыми вьющимися бакенбардами.

Мне не был симпатичен этот «лорд», как метко прозвали гардемарины нашего капитана. Молодой, красивый, изящный, фаворит

высшего начальства, не в пример другим делавший карьеру, двадцати шести лет уже бывший командиром щегольского клипера, он держал себя гордо и неприступно, с тою холодной вежливостью, под которою чувствовалось снисходительное презрение служебного баловня и черствость себялюбивой натуры. И, несмотря на это, теперь этот человек невольно восхищал своим самообладанием.

«Неужели же он несколько не боится за клипер?» — с досадой думал я, посматривая на невозмутимого «лорда».

Точно в ответ на мои мысли, капитан тихо сказал старшему офицеру все тем же своим спокойным голосом:

— Кажется, плотно врезались. Осмотрите, нет ли течи?.. Да чтобы гребные суда были готовы к спуску! — еще тише прибавил капитан. — Мало ли что может случиться!

Не успел старший офицер уйти, как с бака крикнули:

— В подшкиперской вода!

Этот неестественно громкий, взволнованный голос нашего боцмана-финляндца заставил меня невольно вздрогнуть. Под мостиком

кто-то испуганно ахнул.

В ответ на отчаянный окрик капитан крикнул обычное «есть!» таким равнодушным, хладнокровным тоном, будто в известии боцмана не было ничего важного и он отлично знает, что в подшкиперской вода.

И, понизив голос, прибавил, обращаясь к старшему офицеру:

— Что за идиот этот чухонец!.. Орет, вместо того чтобы прийти доложить... Потрудитесь осмотреть, Алексей Петрович, что там такое, велите поскорей заткнуть пробойну и дайте мне...

Взбежавший на мостик младший механик прервал капитана докладом, что в машине вода.

— И много?

— Подходит к топкам! — взволнованно отвечал обыкновенно невозмутимый хохол.

— Помпа пущена?

— Сейчас пустили!

— Ну и отлично! — промолвил капитан, хотя, казалось, ничего «отличного» не было. — Давайте чаще знать, как в машине вода.

Механик ушел, а капитан хладнокровно

продолжал отдавать приказания старшему офицеру, и только речь его сделалась чуть-чуть торопливее и отрывистее.

— Пустить все помпы! Скорей на пробоину пластырь! Когда сойдем, подведите парус.

Старший офицер бегом полетел с мостика, а капитан снова взялся за ручку машинного звонка.

«Сойдем ли?»

Сомнение закрадывалось в душу, усиливаясь при новом ударе беспомощного клипера и вызывая мрачные мысли.

«До берега далеко, не менее двадцати миль... Как доберемся мы на шлюпках при таком волнении, если придется спасаться? Неужели нам грозит гибель? За что же? А жить так хочется!»

И сердце тоскливо сжималось, и взор невольно обращался по направлению к этому далекому берегу.

Но глаз ничего не видит, кроме непроглядной тьмы бурной ночи. Ветер, казалось, крепчал. Всплески волн с шумом разбивались о бок клипера.

«Ах, если б он скорее сошел!»

С тех пор как мы вскочили на камень, прошло не более двух-трех минут, но в эту памятную ночь эти минуты казались вечностью.

— Господин С.! Взгляните, как барометр, да посмотрите, нет ли воды в ахтерлюке! — приказал капитан.

Я бросился вниз, и — странное дело! — мрачные мысли тотчас же исчезли; я думал только, что надо исполнить приказание, не вызвав снисходительно-насмешливого замечания «лорда».

На трапе я нагнал Гарденина, посланного старшим офицером с тем же поручением.

Гарденин вошел первый в кают-компанию, но вдруг остановился на пороге и, приложив палец к губам, шепнул, указывая на открытую докторскую каюту:

— Смотрите, как действует истинное мужество!

Несмотря на серьезность положения, я невольно улыбнулся вслед за Гардениным, увидав пана доктора. Без сюртука, с спасательным поясом, обвязанный весь какими-то мешочками, метался он по каюте, собирая вещи, и растерянным голосом бормотал ка-

кие-то слова.

— А ведь потом нам же будет рассказывать, как геройствовал! — зло проговорил Гарденин, входя в кают-компанию.

Заслышав голоса, доктор торопливо надел пальто и вылетел к нам.

Бледный, с искаженным от страха лицом, стараясь под жалкой, неестественной улыбкой скрыть перед нами свой страх, спросил он прерывистым голосом:

— Ну что? Есть ли надежда, что сойдем?

— Никакой! Сейчас тонем, доктор! — гробовым голосом отвечал Гарденин.

Страшный треск нового удара, казалось, подтверждал эти слова.

— О пан Иезус! О матка божка! — в ужасе шептал доктор крестясь.

— Полно врать, Гарденин! — перебил я, чувствуя невольную жалость к этому олицетворению страха. — Пока никакой непосредственной опасности нет, доктор!

— А вы уж собрались спастись?.. Небось теперь и пана Иезуса и матку божку вспомнили? — насмешливо кинул Гарденин и, повернувшись, крикнул вошедшему с фонарем ве-

стовому: — Живо, люк!

Несмотря на страх, доктор метнул в спину Гарденина взгляд, полный ненависти и злобы. Он не простил Гарденину этой злой шутки и с той минуты возненавидел его.

— А я на всякий случай приготовился ко всему! — обратился ко мне доктор с заискивающей улыбкой, оправившись несколько от страха после моих успокоительных слов. — Не следует никогда теряться в опасности! — прибавил он с хвастливостью и торопливо бросился наверх...

Я спустился за Гардениным в ахтерлюк. Воды там не оказалось, и мы тотчас вышли.

— Как вы думаете, Гарденин, сойдем?

— А черт его знает! Нет, непременно выйду в отставку, как вернусь в Россию, если только буду жив! — неожиданно прибавил он. — Эти ощущения не особенно приятны... ну их! Я вот смеюсь над доктором за его трусость, а ведь сам, признаться, жестоко трушу! — проговорил с какою-то возбужденной, подкупающей искренностью Гарденин, пользовавшийся заслуженною репутацией лихого офицера.

С этими словами он выскочил из кают-компании.

Взглянув в капитанской каюте на барометр, я поднялся наверх и взбежал на мостик.

IV

Капитан стоял на краю и, перегнувшись через поручни, смотрел за борт, держа в руке фонарь. На шканцах, перевесившись совсем через борт, с тою же сосредоточенностью смотрел на воду и Никанор Игнатьевич.

Точно в ожидании чего-то особенно важного, на палубе была мертвая тишина. Только машина, работавшая полным ходом, торопливо отбивала однообразные такты.

Я доложил капитану о высоте барометра и об осмотре ахтерлюка, но он, казалось, не обратил внимания на мой доклад и, не поднимая головы, крикнул:

— Идет ли?

Несколько секунд не было ответа.

— Тронулся! — вдруг прокричал старый штурман. — Идет! — еще веселее крикнул он через секунду.

— Пошел... пошел!.. — раздались с бака радостные голоса.

Капитан торопливо подошел к компасу.

— Самый полный ход вперед! — крикнул он в машину.

Слышно было, как клипер с усилием черкнул по камню и, словно обрадовавшись свободе, вздрогнул всем телом и быстро двинулся вперед, рассекая темные волны. Грозный бурун над камнем белелся седым пятном за кормой.

Невыразимое ощущение радости и счастья охватило меня. Громкий вздох облегчения пронесся на палубе. И дерзкая, вызывающая улыбка весело играла на лице капитана.

— Лево на борт! — крикнул он рулевым, и клипер, сделав полный оборот, поворотил назад.

— Счастливо отделались! — сказал капитан подошедшему старшему офицеру. — Что, много воды?

— Порядочно... Одну пробоину нашли в носу... Сейчас будем подводить парус...

— Я иду назад! — заметил капитан. — Идти по назначению далеко, да и ветер противный... Как окончите подводку паруса, ставьте все паруса и брамсели.

— Ветер крепчает! — осторожно вставил старший офицер.

— Ничего, пусть гнутся брам-стенги! Под

парами и парусами мы живо добежим до порта и завтра будем в доке. Нас, верно, таки порядочно помяло... Не правда ли? — прибавил капитан.

И, не дождавшись ответа, спросил:

— Кто на вахте?

— Я! — проговорил Литвинов, поднимаясь на мостик.

— Курс SSW... Идти самым полным ходом!

— Есть!

— Ну, теперь пойдете-ка, Алексей Петрович, посмотрим, какова течь... А ведь крепок «Красавец»! Било его сильно-таки... Сколько мы стояли на камне, Никанор Игнатъич?

— Четыре с половиной минуты-с! — хмуро отвечал старый штурман.

— Довольно времени, чтобы разбиться! — усмехнулся капитан, спускаясь с мостика и исчезая в темноте.

Через полчаса под носовую часть клипера был подведен парус. Все помпы работали, едва успевая откачивать воду, и «Красавец» под парами и всеми парусами неся среди мрака ночи узлов по тринадцати в час, словно ране-

ный зверь, бегущий к логову, чтобы зализать свои раны.

Примечания

баловень (фр.).

[^^^]

выгоду (от фр. profit).

[^^^]

коньяка (фр.).

[^^^]

4

гражданских чувств (от лат. *civils* — гражданский).

[^^^]

с глазу на глаз (фр.).

[^^^]

6

запутанности (от лат. complicatio).

[^^^]